Б. Б. Петровский

Яфетическая теория и археология

Настоящая статья не ставит себе задачу обрисовать деятельность Н. Я. Марра как археолога Закавказья, осветившего целый ряд проблем истории Армении в общей связи с историей всего Закавказья и Передней Азии, как археолога-практика, давшего совершенно новое направление археологическим работам в Армении.

Наше внимание будет обращено на теоретические положения Н. Я. Марра, имеющие совершенно исключительное значение в развитии археологии и связанные с его решительной борьбой против индоевропеизма не только в языкознании, но и в истории культуры. Наше внимание будет обращено на ту роль, которую сыграл Н. Я. Марр в деле оформления и развития советской археологии не только как выдающийся организатор, на посту первого выборного председателя Археологической комиссии в 1917 году, а затем председателя Академии Истории Материальной Культуры, ныне института Академии Наук СССР, носящего его имя, но и как основатель теории, влившей новую струю жизни в одряхлевшую археологию. Я постараюсь осветить теоретические положения Н. Я. Марра, поднявшие археологию на высоту основной науки, изучающей историю развития человеческой культуры.

Но прежде всего остановимся на характеристике западноевропейской археологии, на характеристике того этапа, которого она достигла к концу XIX века, или, вернее, того кризиса, который переживала археология вместе с языкознанием, отстав в своем развитии от исторической науки.

Первоначально западно-европейская археология изучение древностей ограничивала лишь изучением памятников, т. е. «классической древности», именно памятников Греции и Рима, противопоставляя их библейской археологии.

Не случайно и сам термин «археология», встречающийся еще у Платона, учеными XVIII века (как, например, Христофором Гейне) понимался как описание и изучение исключительно памятников греческой и римской культуры, совершенно также как и современный термин «античность», и лишь позднее, при выявлении нового материала, археология стала пониматься шире. Но при этом, старое

отношение к античным древностям, как заслуживающим исключительное внимание, продолжало жить еще очень долго.

В самом начале XVIII века французский ботаник Ж. де Турнефор, предпринявший путешествие в Переднюю Азию, сообщал в своем труде* некоторые сведения о древностях, причем его интересовали почти исключительно греческие древности. Турнефор упоминает о развалинах Ани, но он не посетил этот древний город, указав, что только греческие города заслуживают внимание, так как в них можно обнаружить надписи, являющиеся ценным источником.

Из древних языков западно-европейская наука, еще со средневековья, хорошо знала греческий и латинский, а также семитические языки, древнееврейский и арабский.

Археологические открытия начала XIX в. в области древнего Востока и расшифровка египетских иероглифов, а затем и клинописи, давали картину древней культуры, отличной от европейской. Все это углубляло противопоставление культуры Востока культуре Западной Европы. Казалось, что это были два совершенно обособленных мира.

С конца XVIII века ученый мир Европы обратил внимание на страны Переднего Востока, с которыми еще в XVII веке установились прочные торговые сношения. В начале XIX века в эти страны стали снаряжаться научные экспедиции для изучения их культуры и языков. Стали организовываться также специальные учреждения — Азиатские Общества. В 1822 г. такое общество было основано в Париже, а несколько позднее и в Лондоне. Им суждено было сыграть большую роль в деле развития востоковедения.

Для западноевропейских востоковедов, изучавших языки, открылся новый мир, и среди массы языков на пространстве между Европой и Китаем особое внимание обратили на себя иранские языки, живые и мертвые, а также индийские и среди них санскрит.

При изучении этих языков было сделано открытие, перевернувшее все прежние представления о языках Востока, мира своеобразной экзотики. Совершенно неожиданно было обнаружено сходство некоторых азиатских языков и притом одного из древнейших языков — санскрита с европейскими. Это неожиданное открытие, заставшее, можно сказать, западно-европейское языкознание врасплох, было объяснено общим происхождением некоторых народов Передней Азии и Европы, принадлежностью их к одной расе. Такое объяснение соответствовало нормам науки о языке XVIII и начала XIX века.

Так как языковое сходство наблюдалось у народов, живших на территории от Индии и до Европы, то они, соответственно этим двум крайним географическим областям, стали называться „индоев-

* *Pitton de Tournefort, Relation d'un voyage du Levant, II, 1718, стр. 153.*

ропейцами". Этот термин со времен работ Боппа (1833) широко вошел в науку. Но наряду с ним для языков этих народов употреблялся и другой термин, а именно, „индо-латино-персидско-германские языки“ (Шлегель, 1819), вскоре употреблявшийся в сокращенной форме — „индо-германские языки“ (Клапрот, 1823). Последний термин получил широкое распространение после работ крупнейшего германского гебраиста Гезеннуса (1831) и дожил до наших дней с усилением шовинистического оттенка, характерного для немецкой науки XIX и особенно первой половины XX века.

В западно-европейском языковедении твердо укоренилось положение, согласно которому сходство языков Европы с некоторыми языками Азии объясняется их общим происхождением от одного праязыка отдаленных предков индоевропейцев, составлявших в ту пору единый народ, имевший единую культуру.

Таким образом, термин „индоевропейцы“ или „индогерманцы“ получил этническое значение и перешел в археологию. Археологи также стали замечать общие черты в памятниках материальной культуры народов, живших между Европой и Индией.

Период общности индоевропейских языков, который называется иногда „периодом арийского единства“, относился к весьма отдаленному времени, так как мертвые письменные языки, доступные для изучения, показывали, что за 2000 лет до н. э. такого единства уже не было. Исходя из этого, пришлось давность „периода единства“ гипотетически отнести за 3000 лет до н. э. Надо особо подчеркнуть, что это положение о происхождении языка и культуры индоевропейцев находилось в полном соответствии с господствовавшим в то время представлением об одном центре происхождения человека и культуры, о том, что человеческий род произошел от одного корня и отдельные его расы являются лишь разветвлениями единой вначале расы и распространились по земному шару путем переселений, миграционных волн.

В вопросе о прародине индоевропейцев вначале господствовала азиатская точка зрения, так как именно там, на востоке, были засвидетельствованы самые древние индоевропейские языки, но затем была высказана гипотеза о европейской прародине индоевропейцев (Латам, 1862), поддержанная целым рядом языковедов и археологов.

Националистически настроенная немецкая наука родиной индогерманцев считала Скандинавию и северную Германию (Мух, Косина).

В научной литературе XIX и начала XX века было очень много споров относительно местоположения прародины индоевропейцев и путей их расселения, причем ни один ученый не мог привести убедительные доводы в пользу своей точки зрения. И можно сказать, что каждая появившаяся в свет работа, посвященная вопросу о прародине, имела то положительное значение, что она опровергала

прежние гипотезы, не будучи в состоянии обосновать свою собственную.

Такое положение дел естественно вызвало некоторый пессимизм, и высказывались опасения, что вопрос о прародине индоевропейцев и путях их расселения может остаться неразрешенным, так как науке едва ли удастся когда нибудь проникнуть в тайны отдаленнейших эпох (Гиссвейн, 1892).

Это привело к тому, что основные положения индоевропейской теории, господствовавшие и в языкознании и в археологии, не служили предметом глубоких научных исследований; они принимались за основу теории на веру, как положения догматического порядка, соответствующие представлениям исторической науки начала XIX века.

Такими основными положениями индоевропейской теории, определившими весь ход ее дальнейшего развития, являются следующие три положения: 1) отдельные культуры или семьи языков связаны с расами, они выступают как чрезвычайно устойчивые категории и не поддаются вовсе, или же с трудом поддаются смешению, 2) все индоевропейские культуры и языки восходят к одному очагу культуры и праязыку и в отдаленное время, по крайней мере за 3000 лет до н. э., индоевропейцы представляли собою единый народ с общей культурой, говоривший на одном языке, и 3) индоевропейские народы расселялись из своей прародины путем разновременных миграционных волн, принося с собой на новое место уже готовую культуру и всегда подчиняя себе аборигенное население, если таковое имелося.

Индоевропейское языкознание и археология приняли эти теоретические положения и после безрезультатных попыток их разработки и обоснования приступили к накоплению материала, усовершенствованию техники исследовательской работы и изучению отдельных проблем. Это привело к их теоретическому отставанию, к изучению проблем вне общих построений и широких научных обобщений, к разработке методик, а не метода.

Индоевропейское языкознание и археология замкнулись в своих рамках. Теоретическая отсталость превратилась в тормоз для их развития.

Переловые западноевропейские археологи и языковеды, не замыкавшие себя узкими вопросами, уже давно чувствовали кризис теоретических положений индоевропеизма, сковывавших разработку новых материалов.

Известный французский археолог-искусствовед Соломон Рейнак еще в 1893 г. называл индоевропейскую теорию бедствием для археологии. А этнолог Адольф Бастиян в 1899 г. указывал на то, что индоевропейское языкознание больше любит мертвые языки и не уделяет достаточного внимания живым этнографическим языкам, которые целиком находятся в ведении практиков-этнографов.

Многие ученые сетовали на то, что индоевропейское языкознание и археология замыкаются в своем кругу с пренебрежительным отношением к смежным дисциплинам, и в этом видели основную причину отставания обеих наук. Герман Меллер в 1911 году писал: „индогерманское языкознание, замкнувшееся в своих стенах, должно своевременно постараться пробить стену в каком-либо месте“. Правда, такая попытка была сделана двумя годами раньше. В 1909 г. в Гейдельберге начал издаваться журнал „Wörter und Sachen“ („Слова и вещи“), среди издателей которого были виднейшие индоевропейцы Мерингер и Мух. В предисловии к первому выпуску журнала писалось: „После периода необходимого ограничения языковедных работ изысканиями в области фонетических изменений, кажется, наступило время уделить больше внимания значению слов, вещам. Под вещами мы разумели не только объемные предметы, но также мысли, представления и институты, которые нашли свое выражение в словах...“

Мы полагаем, что в объединении языкознания с историей материальной культуры лежит будущее истории культуры“.

В журнале было помещено много статей, посвященных орудиям производства и отдельным предметам, с обстоятельным разбором их терминологии и чрезвычайно широким охватом материала, от глубокой древности и до современности. Целый ряд статей касался языковедных вопросов, главным образом, вопросов этимологии. В журнале помещались также работы по этнографии и истории религии.

Несмотря на широкий круг вопросов и участие крупнейших ученых, журнал „Wörter und Sachen“ не имел успеха. Он не приобрел репутации „солидного“, и языковеды предпочитали печатать свои работы в специальных лингвистических журналах, а археологи в археологических. Инициатива пробить брешь в стене индоевропеизма не была поддержана. Она не была поддержана может быть и потому, что нельзя было пробивать брешь в стене индоевропеизма индоевропейскими же орудиями. Уже в III томе журнала, вышедшем в 1911 году, была помещена статья Мерингера о задачах и названии журнала, в которой давались ответы на критику и, главным образом, на обвинения в несоответствии названия журнала и его содержания.

Мерингер в своем ответе подчеркивал, что декларация предисловия об объединении языкознания и истории материальной культуры имела оговорку, что такое объединение представляется идеалом и что современное состояние обеих наук не дает возможности для проведения его в желаемой степени.

Какое состояние наук? Мерингер и не предполагал, что основной помехой этого объединения были теоретические установки индоевропеизма и в языкознании и в истории материальной культуры. Статьи журнала „Wörter und Sachen“, ~~древние~~ древние, под напором мате-

риала, в необычном для индоевропейца аспекте, отходили от дикт господствовавшей теории и поэтому-то они и представлялись не-солидными. Казалось, что сотрудники журнала касались многих вопросов, которые игнорировались языковедами, считавшими их вне ведения языкознания.

Связь языка и материальной культуры не рассматривалась как единый неразрывный процесс, имеющий общую закономерность, а как два самостоятельных процесса, совместное изучение которых представляет некоторый интерес и помогает объяснить отдельные явления. Так именно думали и издатели журнала, но они, сами того не ведая, все-же подтачивали основы индоевропейизма. С этой стороны следует обратить внимание на методологическую установку некоторых статей журнала „Wörter und Sachen“, исследовавших развитие отдельных предметов и их терминов, независимо от расовой принадлежности, на протяжении многих веков и тысячелетий, выявляющих, по существу, непрерывность процесса развития культуры со времен палеолита. Именно это положение о непрерывности развития человеческой культуры, при правильно поставленном исследовании, без шор предвзятых теорий, дает возможность проследить ступени стадийного развития культуры, в широком смысле этого слова.

Несомненно также, что плодотворные результаты в работе сотрудников журнала „Wörter und Sachen“ дала их совместная работа с этнологами и этнографами.

В третьей четверти XIX века среди гуманитарных наук особое развитие получили этнология и описательная этнография, очень возможно, вследствие того, что они стояли в прямой связи с колониальной политикой, выполняя тем самым практические задачи.

Во всяком случае, в 70—80-х годах прошлого века „народоведение“ было прогрессивной наукой. Особое значение в развитии этой науки имели работы упомянутого уже Бастиана, основателя теории „элементарных представлений“ („Elementargedanke“), теории психологического единства человечества. По мнению Бастиана это психологическое единство приводило к одинаковым явлениям и в духовной и в материальной жизни человечества.

Ученик и сотрудник Бастиана, Рихард Андрэ в своей книге „Этнографические параллели и сходства“ („Ethnographische Parallelen und Vergleiche“), вышедшей в 1878 г., отчетливо показал, что одинаковые формы культуры могут возникнуть во многих местах земного шара независимо друг от друга. Это был серьезный удар по теории „прародины“, т. е. теории распространения культуры человечества из одного центра.

Этнографическое изучение показало, что различные народы земного шара стоят на различных ступенях развития и что многие из них еще в XIX веке находились на уровне, близком к тому, на котором народы, населявшие Европу и Африку, известные по археологическим данным, находились несколько тысяч лет тому назад.

Этнография упорно вторгалась в археологию, и неудивительно, что Бастиян был одним из тех, кто, вопреки мнению египтологов, доказывал существование в Египте каменного века.

Недочеты работ Бастияна и Андрэ, выразившиеся в одностороннем психологизме и недооценке хозяйственной жизни разбираемых ими обществ, были в некоторой мере исправлены работами их последователей, практиков-этнографов, доставивших науке большой материал (Штейнен, Вейле и др.). Особое значение этих работ в области этнологии состояло в том, что они были основаны на индуктивном методе, т. е. строились от отдельных фактов к широким обобщениям.

Успехи западно-европейского народоведения (этнологии и этнографии) определялись, главным образом, тем, что эта наука быстро переросла стадию накопления материала и перешла к его обобщению, помогая тем самым и развитию смежных с нею общественных наук.

Почти одновременно с развитием народоведения росла и оформлялась материалистическая историческая наука. К периоду 60—80-х годов XIX века относятся основные работы К. Маркса и Ф. Энгельса, создавшие исторический материализм и широко использовавшие данные этнографии. Применение положений диалектического материализма к явлениям общественной жизни, к истории развития человеческого общества, имело большое значение для исторической науки, по новому осветило весь ход истории, выявляя общие закономерности развития. Диалектический материализм доказал, что в мире нет изолированных явлений, что все они связаны друг с другом и обуславливают одно другое; исторический материализм доказал, что в истории общества также нет изолированных явлений и что человеческая культура развивается закономерно, в условиях материальной жизни общества, от которых зависят все надстроечные явления. А отсюда вытекает, что изолированное изучение надстроечных явлений обречено на неудачу.

Наука об истории общества вышла на широкую дорогу и только науки специальные, исследовавшие отдельные разделы этой большой науки, продолжали развиваться в своей собственной скорлупе, полагая, что у них существуют свои, только им присущие законы. Индоевропейское языкознание и археология шли по пути последовательного замыкания в свои узкие вопросы, где они достигли несомненных, подчас весьма ценных, результатов, но они избегали общих вопросов, установления законов развития. Поэтому в вопросах происхождения языка и материальной культуры господствовала устаревшая теория, теория столетней давности, соответствовавшая старой исторической науке. Там господствовали теории о языке и прародине, расовых особенностях и решающей роли миграций в процессе развития культуры. Формальный метод приводил к размельчению проблем, к углубленному исследованию мелких

тем формального порядка, при игнорировании общих вопросов, как вопросов происхождения культуры и речи, которые считались иногда вне ведения археологии и языкознания. Индоевропейская теория мешала дальнейшему развитию этих наук, тем более, что новые накопившиеся факты вступали с ней в острые иногда противоречия. Необходима была новая теория, которую можно было бы противопоставить индоевропеизму.

Такой теорией явилась яфетидология, новое учение о языке, созданное Н. Я. Марром.

Яфетическая теория возникла не сразу. Она выросла в недрах индоевропейского языкознания и оформлялась в непрерывной борьбе с основными догмами старой теории. Еще в 1921 году Н. Я. Марр писал: „Когда вы будете постепенно знакомиться с достигнутыми пока результатами, скоро удостоверитесь, что многое уже давно подготовлено, и что яфетидологу в иных случаях остается только дать новое освещение приведенному в порядок материалу, бросить яркий свет на то, что подвергалось пока все еще слабому обследованию“.

Первая работа Н. Я. Марра о родстве грузинского языка с семитическими была основана на принципах старого сравнительного языкознания, но была вместе с тем направлена против догмы изолированности отдельных языков. Второй этап работ Н. Я. Марра характеризовался установлением группы языков, связанных с третьим этническим элементом, яфетическим, который наряду с индоевропейским и семитическим создал средиземноморскую культуру.¹ Тогда Н. Я. Марр стоял еще на позициях связанности языкового строя с определенным этносом и языковые связи на далеких расстояниях друг от друга объяснял этническими передвижениями.

Установление в средиземноморской культуре третьего элемента, яфетического элемента, имело большое значение для археологии всего древнего мира.

Археологи особенно остро чувствовали невозможность объяснить некоторые явления исходя из арийского и семитического элементов, они особенно явно ощущали присутствие третьего, основного элемента и поэтому многие из них приветствовали яфетическую теорию. Даже такой убежденный сторонник индогерманизма, как Браун, заявлял: „Индogerманская проблема может быть решена после освещения проблемы аборигенов или в увязке с нею“. Под „проблемой аборигенов“ Браун разумел именно третий этнический, т. е. яфетический элемент,² но он совершенно не подозревал, что именно этому яфетическому элементу суждено будет нанести решающий удар индогерманской теории.

¹ Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. 1920. Избранные работы, I, 79.

² Н. Я. Марр. Чем живет яфетическое языкознание. 1921. Избранные работы, I, 106.

21 ноября 1923 г. на отделении историко-филологических наук Академии Наук Н. Я. Марр сделал заявление об индоевропейских языках Средиземноморья, в печати занявшее полторы странички, но по существу перевернувшее все его прежние построения. Н. Я. Марр заявил:

„Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и нигде не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или тем менее восходил к какому-либо расово особому праязыку... Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть и в сопутствии приводящих пермутаций физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков, в Средиземноморье—своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация“.¹

В этом своем заявлении Н. Я. Марр сообщил свои выводы, перевернув по существу все прежние представления об истории развития языка. Он решительно отверг связанность определенных типов языка с расами, признавая эти типы стадийными состояниями единого процесса развития языка.

Также как каменный, медный, бронзовый и железный века в археологии не являются техническими особенностями определенных рас, а являются стадиями развития техники, наблюдаемыми повсеместно, так и отдельные группы языков—яфетическая, семитическая и ирометендская (индоевропейская) являются *стадиями развития речи*.

Также как пять типов производственных отношений, известных истории: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический не являются типами производственных отношений различных рас земного шара, а являются стадиями развития общества, так и отдельные группы языков не являются особенностями рас, а должны рассматриваться как стадии развития языка, определяемые стадиями развития человеческого общества.

Почему язык должен развиваться по особым законам, если все другие проявления человеческой культуры отчетливо отражают стадийное развитие?

Таким образом, выводы Н. Я. Марра, сообщенные им 21 ноя-

¹ Н. Я. Марр, Индоевропейские языки Средиземноморья. Доклады Академии Наук—В. 1924, стр. 6—7.

бря 1933 года в Академии Наук, имеют для историков культуры первостепенное значение, при учете этих положений язык становится ценнейшим историческим источником. Яфетическая теория стала разрабатывать языковедные вопросы в общем русле исторического материализма, подойдя к изучению языка как к историческому процессу.

Это дало плодотворные результаты и выдвинуло на первый план вопросы палеонтологии и семантики. Н. Я. Марр задачи палеонтологического и семантического исследования определил следующими словами: «мы хотим вскрыть и вскрываем социальные явления в „корне“ слов, именно в их значениях, как того требует история».¹ Н. Я. Марр действительно подошел к языковым исследованиям как историк, и неудивительно, что лингвисты-индоевропейцы иногда расценивали его как чужака, как историка, вторгшегося в их область.

Вопросы семантики яфетидология рассматривает в теснейшей связи с социально-экономической жизнью, на различных ступенях стадийного развития. Говоря о работе в области языкознания, Н. Я. Марр подчеркивал необходимость изучения «не одной формы, а и содержания, увязанного с историей и материальной культуры и общественности, ее мировоззрений».²

Н. Я. Марр вопросы семантики рассматривал как явления строго закономерные и изменение и развитие значения слов считал процессом, имеющим собственные законы.

Языковеды, стоящие на позициях индоевропеизма, обвиняли Н. Я. Марра в том, что он в своих работах слишком много внимания уделял словарю. По этому поводу французский лингвист Жозеф Вандриес в 1924 г. писал: «Данные словаря, всегда „своеобразные“ и „единичные“, хорошо согласуются с теорией, которая отводит так много места случайностям. Морфология имеет строгие рамки, которые не позволяют так свободно с ней обращаться. Поэтому многие лингвисты убеждены, что лишь факты Морфологии пригодны в качестве основ для сравнения. Эти же лингвисты считают, что придерживаясь словаря, г. Марр выясняет узкое место своего метода». Все это писалось в контексте полемики с основным тезисом яфетидологии о том, что «скрещение племен и скрещение их языков является необходимым условием жизни человечества». Можно согласиться с мнением, что словарь легче отражает отдельные случаи влияния и заимствования, что слова легче изменяются под внешним влиянием, но ни на минуту нельзя упускать из вида утверждение Н. Я. Марра, что морфология «включает в себя не

¹ Н. Я. Марр. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Избр. работы, III, 175.

² Н. Я. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры. 1926. Избр. работы, III, 39.

только так называемые грамматические категории, но также и „словарь“. „Мы, яфетидологи,—писал Н. Я. Марр,—не рассматриваем данные словаря как явления „своеобразные“ и „единичные“: они—произведения общественной жизни, я бы сказал, что сами они—факты общественные, определяемые действующими в ней законами, общественными законами, настолько более сложными, что это и не представляют себе учителя индоевропейской лингвистики... И эти законы семантики затрагивают ближе всего сущность морфологии“.¹

В основе семантических изменений лежит дифференциация представлений и потребность уточнения слов в связи с усложнением социально-экономической жизни. Но эти семантические изменения протекали не путем случайного изобретения, а путем закономерного развития уже существующего материала.

Старые значения слов в языке не исчезали бесследно, а продолжали жить и дальше. Это привело к тому, что язык является одним из полноценных источников при изучении истории.

При таком подходе к языковому материалу особое значение приобретает „палеонтология речи, вскрывающая отложения различных ступеней..., с особыми нормами словопроизводства для каждой из них“.²

Палеонтологический анализ языка не может замыкаться рамками чисто языковедных исследований, так как он основан на выявлении основных черт и комплекса явлений определенных стадий языкового развития, которые определяются соответствующими стадиями истории развития общества.

В этом направлении, т. е. в направлении изучения стадийности, работа только начата, только намечены те пути, по которым надо идти, и те проблемы, которые следует разрешать. К сожалению, до сегодня, после смерти Н. Я. Марра, вопросы стадийности не вышли еще из общей недифференцированной схемы.

У языковедов мало желания заниматься этими вопросами, мало желания, главным образом, ввиду их исключительных трудностей. Палеонтологический анализ языкового материала тоже не имеет успеха среди языковедов, и вопросами семантики, разработанными яфетидологией, больше занимаются археологи, исследователи памятников материальной культуры, для которых выявленные Н. Я. Марром на языковом материале факты дают новое направление их работе.

Уже давно археологи, стоявшие даже на позиции индоевропеистики, в своих трудах приходили иногда к выводам очень сходным с некоторыми положениями яфетидологии. Н. Я. Марр указывал: „перспективы вглубь времен, совершенно конкретные, откры-

¹ Яфетический сборник, III, 1925, стр. 165. Избр. работы, I, стр. 189.

² Н. Я. Марр, Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории, 1928. Избр. работы, III, 65.

вают и в отношении языка археологические изыскания... Таково положение в Средиземноморье, в частности в Эгейском районе, где в общении с соответствующими памятниками археолог Эванс высказал целый ряд творческих мыслей по общей лингвистике более жизненного значения, чем то, что могли сказать теоретики-языковеды".¹

Уже давно этнологи и этнографы, изучавшие культуры различных народов, наблюдали в религии и обычаях, подчас очень архаичных, непонятные для них явления, которые получают свое объяснение при учете яфетидологической семантики. Н. Я. Марр неоднократно указывал, что этнография представляет собою совершенно исключительный материал, без которого нельзя понять мертвые языки, к которым питают такое пристрастие индоевропейцы, игнорирующие этнологическое языкознание.

Уже давно языковеды при разрешении вопросов семантики обращались к памятникам материальной культуры, но эта связь индоевропейского языкознания с археологией была в корне отлична от комплексного исследования языкового и археологического материала, проводимого яфетидологией.

Понимание семантики яфетической теорией Н. Я. Марр выразил следующими словами: „Яфетическое языкознание вскрыло, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически сложившихся социальных условий, часто не имеющих ничего общего ни с нашими отвлеченными теоретическими постройками, оказывающимися в основе воздушными замками, ни нашими материальными восприятиями, анахронистически переносимыми на общественное мышление доисторического человека“.²

Семантика отражает историческое развитие понятия, и часто производный термин, по своей сущности, будет иметь мало общего со своим архетипом. В этом отношении четкие примеры дает функциональная семантика, где „лошадь“, как средство передвижения, по своему термину восходит к „олению“ или „собаке“, древнейшим средствам передвижения, а „хлеб“ к „жолудю“, служившему на ранних ступенях культуры в некоторых местностях основной пищей.

И разве такой подход Н. Я. Марра к исследуемому им материалу не соответствует положению В. И. Ленина, который при изучении всякого исторического явления требовал „не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные

¹ Н. Я. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. Избр. работы. III, 44.

² Н. Я. Марр. Об яфетической теории. 1924. Избр. работы. III, 31—32.

этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть чем данная вещь стала теперь¹.

Семантическое изучение археологических памятников открывает для исследователя широкие перспективы.

С одной стороны это установление функциональной значимости, технического и общественного значения явления. Положение казалось бы очень простое и само собой разумеющееся, но неучет его ведет часто к совершенно неправильным выводам, искажающим реальную историю.

Так, крупнейший исследователь палеолита, специалист по первобытной технике обработки кремня Брейль рассматривал палеолитическую технику не как нечто целое, а как ряд отдельных культур, каждая из которых характеризуется каким-либо орудием, ручным рубилом, орудием из отщепы и др., и в сочетании различных орудий в одном месте он видел результат влияния этих культур. Но виднейший ученый, досконально знающий материал и изучивший до деталей технику изготовления кремневых орудий, недостаточно учитывал функциональное назначение предмета; это и привело его к неверным выводам, согласно которым получалось, что одни культуры только рубили, другие только резали, третьи только скоблили, а четвертые только кололи. Поэтому, сочетание орудий различного назначения рассматривается как результат взаимодействия культур. Действительно, при археологических раскопках часто наблюдается преобладание в одном месте орудий какого-нибудь специального назначения. Но чтобы правильно понять этот факт, надо внимательно исследовать условия жизни изучаемого общества и только исходя из них, пытаться объяснить преобладание орудий специфического назначения. Так, в неолитическом материале из совершенно различных мест встречаются иногда небольшие шлифованные каменные топоры очень характерной формы, закреплявшиеся в деревянную рукоятку. В археологии эти топоры стали показателями определенных культур, и по местам их находок устанавливались связи этих культур, охватывающие, кстати, громадную территорию и колоссальный временной промежуток, примерно в десять тысяч лет. Этнографические материалы дали нам разгадку распространения этих топоров, они служили для обработки дерева, технические особенности которой вызвали к жизни именно эту специфическую форму орудия, причем вырабатывалось это орудие в разных местах, независимо друг от друга. И если мы внимательно изучим археологический материал, то увидим, что эти шлифованные каменные топоры с острым лезвием и закругленным обухом, закреплявшимся в деревянную рукоятку, встречаются в тех районах, где в древности мы можем предполагать лесную растительность. Одинаковое функциональное назначение приводило на одинаковой стадии развития производительных сил к одинаковой технической форме.

¹ В. И. Ленин. О государстве. Избранные произведения, VI, 1961, 234.

В археологическом исследовании плодотворные результаты дает также прослеживание семантических рядов и пучков, установленных яфетическим языкознанием.

Под семантическим рядом разумеется несколько значений слов, находящихся в зависимости друг от друга и связанных тем, что одно значение вытекает из другого.

На языковом материале очень четко прослеживается семантический ряд „камень“→„металл“→„медь“→„железо“¹.

Перед нами ряд функционального семантического развития. Сначала в производстве применялись каменные орудия, затем камень, как материал, заменила медь, первый из употреблявшихся в производстве металлов, причем этот термин означал металл вообще, и лишь потом, при дальнейшем усложнении производства, когда стали применяться различные металлы, этот термин приобрел уточненное значение „медь“. А по своей функции, по назначению, „железный топор“ сохраняет часто название каменного топора. Археологический материал четко показывает связанность каменных, медных, бронзовых и железных предметов. Так древнейшие египетские медные ножи до деталей воспроизводят форму каменных, широко распространенных в додинастической культуре Египта.

Н. Я. Марр на большом материале показал связанность терминов „собака“, „олень“, „лошадь“, „верблюд“, установив, „что названия одни и те же у всех перечисленных животных передвижения, названия по тождеству функций нарекаемых беспрепятственно переходят от ранних животных к позднейшим“. Археологический материал также полностью оправдывает данные языковедных изысканий. Особенно четкие пережитки этих связей уже давно наблюдались в культе и религиозных представлениях. У славян, в погребальной церемонии, сани заменяли колесную повозку; а у скифов вместо лошади при погребении употреблялся олень, а в одном из скифских курганов на Алтае была обнаружена лошадь с маской оленя.²

Уже давно археологи, работавшие над древней культурой Средиземноморья, устанавливали несомненную связь в культе женщины, дерева и воды. Известный исследователь Кипра Онефальш-Рихтер и Сирэ, фиксируя эту связь, объясняли ее тем, что женщина (мать), дерево и вода выступают как символы плодородия, но они и не подозревали, что независимо от них, на языковом материале Н. Я. Марр установил семантический пучок: „вода“—„дерево“—„женщина“.³ Древнеегипетский материал четко иллюстрирует связанность этих элементов. На египетских рисунках от изображения.

¹ Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. 1926. Избр. работы, III, 149; *etо-же*, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык. 1928. 34—35.

² Н. Я. Марр, Средства передвижения. Избр. работы, III, 140.

³ Н. Я. Марр, Иштарь. 1927. Избр. работы, III, 317; Б. Б. Пиотровский, Семантический пучок в памятниках материальной культуры. Изв. ГЛИМК, VI, вып. X, 1930, 17.

священного дерева часто отходит рука с сосудом, из которого выливается вода, а в одной из царских гробниц имеется изображение дерева с женскими грудями, кормящее царя.

Еще поразительнее совпадения изысканий Н. Я. Марра в области языкознания и некоторых археологов, работавших над семантическими дериватами солнца.

Можно сказать, что работа французского археолога Дешелетта, посвященная доисторической символике солнца, иллюстрирует языковедные работы Н. Я. Марра.

В символике на предметах бронзового века солнце выступает и как диск и как колесо, или в виде птицы или животного, часто лошади. Следует отметить, что палеонтологический поход к семантическим связям может раскрыть иногда историческое развитие образа, подчиненное общим семантическим законам. Так, устанавливается, что древнее божество в тотемном его образе, в образе птицы или животного, постепенно антропоморфизуется, сохраняя атрибуты, отмечающие его прежнюю сущность. Многие древне-египетские божества, связанные с культом животных, изображались или в виде животного, или же человека с головой животного. Богини Исида и Гатор, имевшие первоначально образ коровы, после их антропоморфизации сохранили лишь коровьи рога и то в качестве атрибутов головного убора.

Многие египетские богини были связаны также с деревом, культ которого прослеживается с древнейших эпох. Позднее божества деревьев стали изображаться в виде женщин, выходящих из дерева. Тут произошло расщепление образа. Древние божества, имевшие первоначально вид животного, при расщеплении образа изображались или в виде людей, стоящих на животных, или же людей, при которых находятся олицетворявшие их ранее животные и птицы.

Так, по языковедным данным доказывалось, что Зевс был орлом, Афина совой, а Прометей тоже орлом. После их антропоморфизации орел и сова стали сопровождающими животными Зевса и Афины, а прежний тотемный образ Прометея—орел превратился в его антитезу, в животное, терзающее солнечного героя. И древне-греческие памятники изображают орла и сову, сидящими около Зевса и Афины, и в то же время орла, терзающего Прометея.

Но расщепление образа может произойти и помимо антропоморфизации. Так, персидский герб—лев с мечом на фоне солнца без труда объясняется как солнечное божество в виде льва. Также и в образе кавказских вишапов мы имеем древнее божество воды, выступающее после отделения животного образа (дракона, змеи, рыбы) от воды, как ее антитеза.

Это вполне закономерное развитие образа блестяще показано Н. Я. Марром на основании общей закономерности семантического развития, которое выходит за пределы армянского фольклора. В по-

лемике между палеонтологом Н. Я. Марром и крупнейшим знатоком армянского фольклора М. Х. Абегином на сторону Марра стал, учтенный ими обоими, археологический памятник—изображение вишапа-кита на Ахтамарском храме. Как правило, археология всегда бывает на стороне Н. Я. Марра, и он не ошибался, когда лучшими союзниками яфетической теории считал археологов, которые ему помогли успешно бороться с индоевропеизмом в языкознании.

С другой стороны, не ошибались и археологи, когда лучшим союзником археологии считали яфетическую теорию, которая помогла успешно бороться с индоевропеизмом в археологии.

Ведь сила яфетической теории состоит в том, что она использует все виды источников, считая, что лишь при комплексном использовании всех видов источников можно рассчитывать на успех.

И действительно, Н. Я. Марр выступает в своих работах как историк и археолог, как языковед и филолог, как этнограф и фольклорист, а в общем как борец за новую стадию науки об истории развития общества, за исторический материализм в его конкретном применении к отдельным историческим дисциплинам.

Рассмотрим теперь вопрос—приемлемы ли в настоящее время с точки зрения исторической археологии основные теоретические положения индоевропеизма и не относятся ли они к тем проблемам, которые при настоящем состоянии наших знаний остаются неизвестными.

На оба эти вопроса археология определенно отвечает: 1) при настоящем состоянии наших знаний теоретические положения индоевропеизма, не доказанные старой наукой, могут быть всесторонне научно рассмотрены и 2) учитывая данные истории культуры и громадный материал, собранный археологией после оформления индоевропеизма, после догматизации его основных теоретических положений, следует признать, что с точки зрения современной исторической науки эти положения являются неприемлемыми.

История показывает, что процесс развития человеческого общества есть процесс закономерный, развивающийся по определенным стадиям. Становление человека, в результате трудовой деятельности, не было случайным явлением и оно происходило в различных частях земного шара.

Археологические исследования доказывают, что древнейшие остатки человеческой культуры т. н. эпохи палеолита, древнекаменного века, открытые на различных материках, выявляют большое сходство при значительном временном расхождении. Из этого можно заключить, что человеческая культура развивалась во многих местах земли в различное время, но это развитие было подчинено одному общему закону.

Остатки человеческой культуры т. н. эпохи неолита, новолитного века, также открытые в различных частях земного шара, по общим своим чертам чрезвычайно близки друг к другу, но от-

личаются большой одновременностью, исключающей вопрос об их взаимном влиянии. Археологические исследования Африки открыли совершенно одинаковые формы неолита как на ее севере, так и на юге, но неолит южной Африки, как показали работы археолога Лики, относится к тому времени, когда в долине Нила было уже Египетское государство и таким образом временная разница между неолитом северной и южной Африки будет достигать нескольких тысячелетий. Первобытно-общинный строй, изучаемый как археологически, так и этнографически, показывает ту же картину, сходство элементов человеческой культуры этой стадии развития общества без расовой и временной общности. И в то время как в Австралии господствовал еще первобытно-общинный строй, Европа пережила уже четыре стадии развития общества. Мы видим, таким образом, что типы производственных отношений, определяющие культуру того или иного общества, не связаны с расами. Этнография и археология показывают, что человеческое общество развивается в процессе непрерывного взаимодействия и скрещения отдельных племен, что приводит к образованию новых общественных групп. Археологи и антропологи, изучавшие начальную стадию Египетского государства, отмечали его чрезвычайную сложность и многообразие как в этническом, так и в культурном отношении. Несмотря на единый процесс развития человеческого общества, оно развивается не от однообразия к многообразию, а наоборот.

Стоящие на одной ступени стадийного развития мелкие общественные группы путем скрещения образовывали новые более мощные общественные группы. Этот процесс являлся одной из основных движущих сил человеческой культуры.

Таким образом мы видим, что первое теоретическое положение о том, что отдельные культуры связаны с расами и выступают как чрезвычайно устойчивые категории, для современной исторической науки неприемлемо.

Вместе с тем лишается оснований и второе теоретическое положение индоевропеизма о том, что все индоевропейские культуры и языки восходят к одной пракультуре и одному праязыку и что за 3000 лет до н. э. индоевропейцы представляли собою единый народ с общей культурой, говоривший на одном языке. Индоевропеисты, споря о местоположении прародины, высказывали опасение, что наука не сможет проникнуть в тайны глубины веков.

Но археология проникла в эти тайны и открыла нам культуры третьего тысячелетия до н. э. на всем протяжении между Индией и Европой. И что же оказалось? Оказалось, что вместо ожидаемой индоевропеистами «арийской общности» археологи открыли разобщенность. Они открыли культуры отдельных небольших племен, объединенных в союзы и в примитивные государства, но без общности культуры, а тем более языка. На этом нет нужды подробно оста-

навливаться, так как древнейшая история стран Переднего Востока разработана хорошо.

Но мне могут возразить, что индоевропейцы ошиблись в летоисчислении, что „период арийской общности“ следует отнести к еще более раннему времени.

Да, но тогда будет еще большая разобщенность, тогда мы не найдем даже и государств древневосточного типа, основой которой не был народ.

Ведь народ, имеющий общую культуру и общий язык, надо рассматривать как историческую категорию, возникающую на определенной стадии общественного развития и отнюдь не во времена союза племен и первых государственных образований. Казалось бы, что дело решенное, но я жду еще одно возражение, особенно со стороны археологов-индоевропейцев, которым трудно отрешиться от догматических теоретических положений, полученных вместе с молоком матери. Они возразят мне: „старая формулировка была неточной, что речь идет не об одном народе, но о родственных племенах, не об одном языке, но о родственных языках, что при археологическом изучении пространства между Индией и Европой очень много сходных памятников; так, например, кавказская металлургия очень близка к Гальштатской, в южной Австрии, ведь мы не знаем древнейшей металлургии Кавказа, ведь там только развита бронза, значит металлургию в Закавказье и на Кавказ занесли путем миграции, не могла же она родиться как Афина из головы Зевса“.

Это обычный ход рассуждений археологов-индоевропейцев, определяемый тремя фразами: „сходство означает генетическое родство“, „мы не знаем, а значит...“, „значит миграция“. Поверьте мне, что это не гротеск, прочтите работы виднейших археологов-индоевропейцев, как Косина, Вильке, даже Шухардта, и вы увидите, что все их рассуждения основаны на этих трех фразах. Мы, археологи, стоящие на позициях исторического материализма, отвечаем: „поскольку мы разделяем точку зрения стадияльного развития общества, то для нас самый факт сходства не означает еще генетического родства“. „Если у нас есть пробелы в значениях, то мы стараемся их заполнить и, как правило, заполняем“, а на третью фразу индоевропейцев отвечаем: „миграции конечно были, но мы стоим на точке зрения имманентных, внутренних причин развития общества, а не внешних, поэтому миграцию мы рассматриваем только как одно из слагаемых“.

Для иллюстрации изложенного остановимся кратко на вопросе развития закавказской металлургии.

Еще во время V археологического съезда, посвященного кавказской археологии, было признано, что металлургия была принесена на Кавказ путем миграции, в уже готовом виде, на переходной фазе от бронзовой к железной. Тогда на Кавказе действительно была известна только кобанская культура именно этой фазы, по ко-

торой судили о всей металлургии Кавказа. Вирхов и Шантр (1881, 1883 г. г.) считали кавказскую металлургию принесенной из Центральной Азии, т. е. из того района, который в 80-ых годах XIX века не был еще затронут археологическими работами.

Получалось, что одно неизвестное объясняли другим.

Ж. де Морган (1889) допускал для старого света только один центр металлургии, а именно в южном Китае, считал ее принесенной на Кавказ через центральную Азию. Г. Мортилье считал более вероятным очагом первой обработки металла Индию, а Монтелиус (1900)—юго-западную Азию.

Ж. де Морган в 1922 г. изменил свою старую точку зрения и под влиянием своих раскопок очаг закавказской металлургии перенес в Переднюю Азию, к северу от Элама.

В конце XIX в. в археологической литературе Гернесом (1898) была отмечена близость металлических изделий Кавказа с Западной Европой, что определило другой ход миграционных исканий.

В этом направлении особое усердие проявили археологи индогерманского направления. Так, Вильке (1898), считая дунайскую металлургию более древней, чем кавказскую, миграционную волну направляет с запада на Кавказ. Он полагал, что бронзовые изделия были занесены на Кавказ арийцами из придунайских стран, по северному побережью Черного моря. Так, направление миграций было изменено: не с востока шли арийцы, а с запада. Все эти теории базировались на недостаточном знакомстве с местным закавказским материалом, на формально типологических сопоставлениях. Иессен¹ впервые (1935 г.) подвел итоги археологическим данным, свидетельствующим о древней самобытной металлургии Кавказа, и все миграционные построения рухнули. Получается, что там, где знания, там не выдерживают критики теоретические построения индоевропейцев. В связи с накоплением нового археологического материала по Закавказью удалось наметить общую линию развития культуры этого района, и развитие закавказской металлургии стало закономерным звеном в общей цепи истории культуры Закавказья. Были открыты памятники начального периода освоения металла, эпохи энеолита, а развитую бронзу Закавказья удалось связать с медно-рудными районами. И только откинув неоправданные фактическим материалом теоретические построения индоевропейцев и углубив археологические работы, мы можем правильно и полноценно понять и изучить ход развития культуры Закавказья.

Таким образом, мы видим, что теоретические основы индоевропеизма, от разработки которых отказались индоевропейцы, представляют собою устаревшие положения старой исторической науки.

А потому индоевропейская теория несовместима с марксизмом

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, 14--22.

և որ, որպես թեորիա, ծառայում էր ինտերեսներին այն դասերի, որոնք ինքնին չէին կարողանում իրենց հարգանքները արտահայտել իրենց լեզուով:

Но было бы совершенно неправильно считать, что индоевропейская теория ничего не дала и с самого своего начала была реакционным учением. Заслуги индоевропейистики и в языкознании и в археологии очень велики, особенно в части собирания материала, его разработки и классификации; по выражению Н. Я. Марра, заслуги индоевропейской лингвистики заключаются в том, что она сохранила и технически обработала величайшие ценности истории человеческой культуры. Заслуга индоевропейизма состоит в том, что он подготовил и сделал возможным переход науки на новую стадию развития.

Борцом за новую стадию науки был Н. Я. Марр, который вел беспощадную борьбу с индоевропейской теорией, отказавшейся сдавать свои позиции и превратившейся в тормоз научного мышления, что сознавали и сами представители этой научной теории.

Яфетическая теория вывела археологию на новый путь, и в этом одна из заслуг Н. Я. Марра перед мировой наукой.

Ռ. Ռ. Պիոտրովսկի

ՀԱՐԵՔԱԿԱՆ ԹԵՈՐԻԱՆ ԵՎ ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Հողմածուժ քննության են առնված Ե. Յակ. Մարրի թեորիական գրությունները, որոնք սրասգանալի բացառիկ նշանակություն ունեն սովետական հնագիտության զարգացման գործում և որոնք կապված են թե լեզվաբանության և թե կուլուրայի պատմության մեջ հնդեվրոպարանության ռեմ նրա մղած վճռական պայքարի հետ: XIX դարի զորչր արևմտաեվրոպական ստուգիան մեթ որոշակի նկատվում է. որ ետ է մեռւ լեզվաբանության և ստուգիան զարգացումը. սա բացատրվում է նրանով, որ այդ գիտությունները պարփակվել էին իրենք իրենց մեջ: Եվ պատահական է. որ 1893 թվականին ֆրանսիացի ակադավոր հնագիտ և արվեստագետ Ս. Ռեյնսերը հնդեվրոպական թեորիան աղետ էր անվանում հնագիտության համար:

XIX դարի երկրորդ կեսի ստուգիան սեղ առանձնապես պրոգրեսիվ զարգացում ունեցավ ժողովրդագիտությունը (ազգագրությունը և ազգաբանությունը), որն արագորեն անցավ նյութերի սուտասուս ստադիան և սեռնամուխ եղավ զրանց մշակմանը, օժանդակելով հարակից հասարակական գիտությունների զարգացմանը: Հասկապես ոյս պրոցեսի հետ է սերտորեն կապված պատմության մասերիալիտական շահագրությունը, որ արտահայտված է մարքսիզմի մեջ (Կ. Մարքսի և Ֆ. Էնգելսի 60—80 թ. թ. աշխատությունները): Չնայած պատմադիտությունը զորանայեց իր նախկին հիմնական դրույթները և սկսեց արագորեն զարգանալ, սակայն, հասարակական մեկուսացած գիտություններից մի քանիսը շարունակում էին

զարդանուշ իրենց սեփական կեռնի մեջ. և առձեռնով, որ իրենք ունեն իրենց սեփասան, միայն իրենց հաակական օրենքները: Հնդեվրոպական լեզվարանությունը և հնագիտությունն ընթանում էին նյութերի կուտակման և դրանց անխնայական մշակման մեթոդի բարելավման ուղիով, երևա զարձակով ընդհանուր հարցերից և չընդունելով մարդկային կուլտուրայի զարգացման միասնական օրենքը: Պարզվեց, որ հնդեվրոպական լեզվարանության և հնագրաության հիմքում ընկած են բոլորովին հնացած, հին պատմագիտությանը համապատասխանող պատմական դրույթներ: մեսախանանեց իշխում էին նախալեզվի, նախահայրենիքի, միգրացիաների վճռական գերի վերարերյալ հնացած, մաշված թեորիաները, որոնք անտես էին առնում խաչավորումները և սաադիալ զարգացման հարցերը: Հաստատվե է՝ այդ գիտությունների մեջ տիրապետում էր ֆորմալիզմը, որը հասցնում էր պրոբլեմների մանրամասնը, ֆորմալ կարգի մասը թեմասերի խորը հետազոտությանը, անանսելով զենեղիսի և զարգացման ընդհանուր հարցերը, որոնք երբեմն համարվում էին այդ գիտությունների իրավասությունից զուրա:

Հարեթասան թեորիան փշրեց լեզվարանության և հնագիտության զարգացումը կասեցնող այդ շրջանակները, սկսեց լեզվարանական հարցերը մշակել պատմական մատերիալիզմի ընդհանուր հունի մեջ, համարելով, որ լեզվի ու նույնիան կուլտուրայի ասարերի զարգացումը պատմական պրոցես է:

Ն. Յակ. Մառի աշխատությունները առաջին պլանի վրա դրած սաադիականության, պալեոնատոլոգիայի և սեմանաիկայի հարցերը, հրաժարվելով ֆորմալ մեթոդից, հարեթարանությունն անցավ բոլոր տեսակի ազդուների սոսալոգիայի ուսումնասիրմանն ու օգտագործմանն: Աշխատանքների այս ուղղությունը լայն ուղիներ բաց արավ լեզվարանության և հնագիտության զարգացման առաջ:

Հոգաժամ օրինակներով ցույց է տրվում պալեոնատոլոգիական մեթոդի կիրառումը հնագիտության մեջ. մի մեթոդ, որ լուսարանում է սաադիալ զարգացումը և սեմանաիկայի կապը լեզվի ու նյութական կուլտուրայի մեջ (ըստ սովետական հնագետների աշխատությունների): Այդ հետազոտությունները բոլորովին նոր ձևով են դնում միգրացիայի, կուլտուրական ազդեցությունների, խաչավորումների և փոխառությունների հարցը: Անդրկովկասյան մեաազագործության զարգացման պատմության մանրամասն վերլուծությունը բացահայտում է, որ բոլորովին հիմքից զուրկ է այդ մեաազագործությունը արևելքից կամ թե արևմուտքից բերված լինելու թեորիան—այս է հաստատում փաստական մատերիալը: Սովետական լեզվարանների և հնագետների աշխատանքները, հիմնված նոր մեծ մասերի վրա, պարզորոշ կերպով ցույց են աալիս, որ հնդեվրոպական թեորիան անհամաանղելի է մարքայի հեա և որ այն արդեն հնացած թեորիա է: